

МИШЕЛЬ АДАМС

МОЯ СЕСТРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
А28

MY SISTER
by Michelle Adams

Серия «На грани: роман-исповедь»

Публикуется с разрешения литературных агентств
Madeleine Milburn Ltd и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Варвары Пахомовой*

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Фотография автора на обложке *Doros Theodorou*

Адамс, Мишель.

А28 Моя сестра / Мишель Адамс; [пер. с англ. В.А. Пахомова]. — Москва : АСТ, 2017. — 384 с. — (На грани: роман-исповедь).

978-5-17-100057-8

Когда Айрини было почти четыре года, родители отдали ее на воспитание другим людям, а старшую дочь, Элли, оставили в семье. Всю жизнь девушка пыталась понять, почему родители отказались от нее. А что, если они сделали все, чтобы сохранить Айрини жизнь?

Однажды Айрини вернется в родной дом после долгих лет отсутствия, чтобы узнать правду о своей семье и о своей родной сестре.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100057-8

© Michelle Adams, 2017
© Пахомова В.А., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Первое издание своей книги я посвящаю тебе,
Стасинос, — без тебя всего этого никогда не было бы.*

*Все остальные — тем, кто в какой-то момент
своей жизни чувствовали себя бесполезными.
Я надеюсь, теперь вы знаете, что ошибались.*

Глава 1

Сигнал моего телефона можно сравнить со снующим под кроватью тараканом. Ничего по-настоящему опасного. И все же меня переполняет неприятный страх. Такой же страх внушает, например, стук в дверь перед отходом ко сну — непременно недобрые вести, или это убийца пришел воплощать свои фантазии. Я оглядываюсь и вижу спящего рядом Антонио; складки белой простыни, словно свободная тога, надежно укрывают его тело. Дыхание размеренное, спокойное и умиротворенное. Я знаю, ему снится что-то хорошее, потому что он причмокивает и подергивается как довольный младенец. Бросаю взгляд на красные цифры, светящиеся на будильнике. 2:02, недобрый знак.

Я тянусь за телефоном — мои движения заторможены — и смотрю на экран. Неизвестный номер. Нажимаю зеленую кнопку, чтобы ответить, и слышу бодрый, жизнерадостный голос. Но это — ложь, чтобы одурачить, пустить пыль в глаза.

— Привет. Это я. Алло? — голос ждет ответа. — Ты меня слышишь?

Я подтягиваю одеяло выше, пытаюсь защититься от холодка, пробежавшего по коже. Прикрываю груди, левая

Мишель Адамс

у меня чуть ниже правой. Спасибо второй степени сколиоза. Это голос Элли, и я знала, что услышу именно его. Последняя нить, связывающая меня с прошлым, которое я пыталась забыть. И вот, после целых шести лет тишины Элли удалось выкарабкаться со дна пропасти, которую я оставила между нами, пробраться ко мне, как червь сквозь грязь, и найти меня.

Я приподнимаюсь, включаю лампу, освещая самые темные, кишасищие монстрами углы комнаты. Когда подношу трубку к уху, я все еще слышу дыхание Элли, она будто бы выползает из тени, ожидая, когда я заговорю.

Я откатываюсь от Антонио, поморщившись от того, что бедро больно пульсирует при движении.

— Что тебе нужно? — спрашиваю, пытаюсь придать голосу уверенности. Я научилась не быть вежливой, держаться отстраненно. Чтобы не поощрять ее.

— Мне нужно поговорить с тобой, поэтому даже не думай бросить трубку. Почему ты шепчешь? — Слышу, как она хихикает, будто бы мы друзья, будто это просто обычный разговор глупеньких девочек-подростков. Но это не так. Мы обе знаем это. Я должна положить трубку, несмотря на ее угрозу, но я не могу. Уже слишком поздно.

— Сейчас середина ночи, — я слышу дрожь в своем голосе. Меня знобит. С трудом глотаю слюну.

Шуршание — она проверяет часы. Где она сейчас? Что ей нужно в такое время? Вообще-то раннее утро, но как бы то ни было. Я снова спрашиваю:

— Что тебе нужно? — чувствуя, как она через расстояние дотрагивается до моей кожи, пытаюсь проникнуть под нее.

Элли — моя родная сестра. Единственный человек из той, прошлой жизни, о которой у меня почти нет воспоминаний. А те, что есть, расплывчаты, как если бы я смот-

Моя сестра

рела на них сквозь оконное стекло, мокрое от ливня. Я даже не уверена, что они все еще соответствуют реальности. Двадцать лет — достаточный срок для того, чтобы воспоминания исказились, превратились во что-то иное.

Моя новая жизнь — та, в которой я застряла по сей день — началась, когда мне было три года и пять месяцев. Это был ясный весенний день, холода отступили, и звери в близлежащих лесах совершали первые робкие вылазки из своих нор. Я была закутана в толстую шерстяную кофту, слои ткани делали меня неподвижной. Женщина, которая родила меня, натягивала красные рукавицы на мои руки, не говоря ни слова. Вот что я помню с того возраста.

Она несла меня по пыльной тропинке, поросшей молодой травой, пока мы не добрались до уже поджидавшего нас впереди автомобиля. Я развивалась медленно, и некоторые части моего тела, например, бедро (плохо сформированное, стянутое слабыми волокнистыми сухожилиями), были и вовсе недоразвиты. Сам процесс хождения был для меня почти не осуществим. Я не сопротивлялась, когда она резко усадила меня на заднее сиденье и пристегнула ремнем. Во всяком случае, не помню, чтобы я сопротивлялась. А может, я на самом деле не помню ничего, и это просто уловка моего разума, чтобы создать иллюзию, что у меня есть прошлое. Жизнь, где у меня были родители. Прошлое, где есть кто-то еще, кроме Элли.

Иногда мне кажется, что я могу вспомнить лицо своей матери — оно похоже на мое, только старше, краснее, с паутинкой морщин вокруг губ. Но я уже не столь уверена в своих воспоминаниях. Но я знаю точно, что не было ни напутственного совета «быть хорошей девочкой», ни короткого поцелуя в щеку, чтобы приободрить меня. Я бы такое запомнила, правда? Она захлопнула дверь, отошла на шаг назад, и дядя и тетя увезли меня, как будто в этом

Мишель Адамс

не было ничего из ряда вон выходящего. И уже тогда я чувствовала, что чему-то пришел конец. Меня отдали, выгнали, бросили.

— Ты слушаешь меня, Айрини? Я же сказала, хочу поговорить с тобой. — Ее резкий голос пронзает тишину, словно лезвие, возвращая меня в настоящее.

— О чем? — шепчу я, понимая, что вот, все начинается сначала. Я чувствую ее напор, как она скользит обратно на свое место.

Слушаю, как она вдыхает, пытаюсь успокоить себя:

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы общались?

Я отодвигаюсь еще дальше от Антонио, не хочу разбудить его.

— Элли, сейчас два часа ночи. Мне завтра на работу. У меня нет времени на разговоры. — Жалкая попытка, но стоило попробовать. Последнее усилие, чтобы оттолкнуть ее.

— Ложь, — выплевывает она. И я знаю: вот оно, я сделала это. Я ее разозлила. Сбрасываю одеяло, свешиваю ноги с кровати, смахиваю с глаз челку. — Завтра воскресенье. Ты не работаешь.

— Пожалуйста, просто скажи, что тебе нужно?

— Это насчет мамы. — Меня задевает, когда она так небрежно произносит это слово. Бросает его так, как произносят прозвище друга. Оно чуждо мне, и я чувствую себя уязвимой. *Насчет мамы*, значит. Как будто я ее знаю. Как будто имею к ней какое-то отношение.

— Что с ней? — спрашиваю тихо.

— Она умерла.

Проходят мгновения перед тем, как я снова начинаю дышать. «Ее больше нет», — думаю я. Я снова ее потеряла. Закрываю рот вспотевшей ладонью. Элли ждет реакции, но поскольку мне нечего ей сказать, в итоге она спрашивает сама:

Моя сестра

— Ну, приедешь на похороны?

Логичный вопрос, но у меня нет на него ответа. Потому что для меня мама — это не более чем детская безнадежная мечта. Но мучительное любопытство подстегивает меня. Есть то, что мне нужно узнать.

— Похоже, что да, — произношу с заминкой.

— Не заставляй себя. Не то чтобы кто-то заметит, если тебя не будет.

Я бы хотела, чтобы меня это не задевало, но осознание того, что никто не заметит моего отсутствия даже после стольких лет — это весьма горькое напоминание о реальности.

— Тогда почему ты зовешь меня? — чувствую, как сползает моя маска уверенности в себе.

— Потому что ты нужна мне там, — она говорит это так, будто бы удивлена, что я еще сама не догадалась, будто бы не знает, что я сбрасываю ее звонки или что я меняла номер телефона двадцать три раза и меняю место жительства только ради того, чтобы она не могла найти меня. Шесть лет я держала дистанцию, и достигла лучшего результата на данный момент. Но она изматывает меня, и то, что она якобы нуждается во мне, лишает меня сил. Делает уступчивой.

— И ты все еще в долгу передо мной, Айрини. Или ты забыла о том, что я для тебя сделала?

Она права. Я должна ей. Как я могла забыть. Родители, может, и отдали меня, но Элли так и не смогла с этим смириться. Она всю жизнь потратила на то, чтобы прорваться ко мне, она присутствует в моем прошлом, как мусор, который перекачивает по земле сильный ветер.

— Нет, я не забыла, — подтверждаю я, поворачиваясь, чтобы взглянуть на Антонио, он все еще спит. Сжимаю веки, как будто могу таким образом отогнать от себя все это. Меня здесь нет. Ты не сможешь меня увидеть. Так

Мишель Адамс

по-детски. Слеза сбегает по щеке, а я крепко сжимаю одеяло. Хочу спросить, откуда она узнала мой телефонный номер на этот раз. Он у кого-то есть, однозначно. Видимо, тетя Джемайма; единственная из знакомых, кто хоть как-то связан с матерью. Если она еще поднимает трубку на мои звонки, я смогу спросить ее. Сказать, что я думаю об этом очередном предательстве своих родственников.

— Позвони мне завтра, если надумаешь, — говорит Элли. — Надеюсь, ты сможешь. Не вынуждай меня приезжать за тобой в Лондон. — Она кладет трубку, не давая мне шанса ответить.

Глава 2

Я сижу на краю кровати в оцепенении и вижу, как цифра на часах сменяется с 2:06 на 2:07. Хватило всего пяти минут, чтобы обесценить усилия этих шести лет, и вот Эли снова в моей жизни, как ни в чем не бывало. Встаю, не чувствуя уверенности в ногах, как будто сила притяжения Земли резко увеличилась. Я закутываюсь в домашний халат и плотно его завязываю, чудом избежав по дороге столкновения с упакованной дорожной сумкой, что стоит у кровати. Антонио, похоже, собирался куда-то и, скорее всего, без меня.

Я легонько отталкиваю сумку в сторону и ныряю в серые тапочки из кашемира. Это подарок, один из многих подарков Антонио за те три года, что мы вместе. Все казалось таким простым в самом начале. Но потом реальность стала подкрадываться все ближе, и мысль о том, что Эли может объявиться в любой момент и все разрушить, брала свое. Конечно, тогда он ничего не знал о ней, и когда все начало рушиться, понадеялся, что подарки это исправят. Теперь, глядя на то, как тень нашего прошлого нависает над ним, спящим, и на сумку, которая уже не раз стояла вот так, собранная, я понимаю, что никакие подарки не смогли бы предотвратить того, что мы отдалились

Мишель Адамс

друг от друга. Элли — это моя судьба. Совершенно неизбежная. Моя сестра снова здесь, чтобы разрушать. В общем-то, я всегда знала, что она вернется.

Бесшумно скользну прочь из спальни по ламинату своей унылой квартирки, расположенной в блочном доме одного из темных закоулков Брикстона. Смотрю в окно на лестнице, улица окутана полумраком, ни души. Чуть поодаль одинаковые дома сливаются в единую массу, теплые огни города словно бы напоминают, где я нахожусь. Это огромный город, в котором ты можешь исчезнуть, будучи у всех на виду. Почти целиком.

Если бы Антонио не спал, он бы обнял и выслушал меня, а после сказал бы, что я должна почувствовать облегчение, поскольку сняла с души этот камень. Он где-то услышал это выражение, и как часто делают люди, изучающие новый язык, использует его не в самые подходящие моменты. Оно слишком общее для конкретной ситуации. Так же было, когда я рассказала ему, что Элли убила собаку. Свою собаку. Он ответил, что теперь все хорошо и что я сняла камень с души. Как будто после разговора об этом все вернется на свои места, и мертвый песик с пробитой головой, высунув язык, примчится обратно, веселый, как Тототшка. «Нет места лучше, чем родной дом». Вот ведь ахинея.

Я спускаюсь по деревянным ступенькам, осторожными шажками продвигаюсь в темноте к кухне, одной рукой облакачиваясь на стену.

«Итак, — думаю я. — Моя мать умерла».

Стою у столешницы и верчу в руках запятнанный винный бокал, раскручивая капли кьянти, оставшиеся на дне. Отставляю его в сторону и достаю из буфета две кружки, стараясь произвести побольше шума. Быть может, Антонио проснется, если услышит. Возможно, он придет и сядет рядом, скажет, что все будет хорошо, как он всегда

Моя сестра

и говорит. Этого будет достаточно. Это поможет унять панику, которую вызывало возвращение Элли. Я даже делаю шаг к спальне, уверенная, что его присутствие облегчит мое одиночество. Но потом я вспоминаю про сумку у кровати, и вновь, только на этот раз тихо, открываю буфет и ставлю вторую чашку обратно. Он собирается уйти от меня? Возможно. Видимо, таков мой удел. Мне нужно будет привыкнуть к одиночеству, когда он уйдет. Вставляю капсулу в кофемашину и, когда загорается красный огонек, забираю чашку. Делаю обжигающий губы глоток.

Перед тем как сесть за свой скучный стеклянный стол и включить компьютер, прохожу вдоль стены, включая везде свет. Мне нравится современная мебель. Безликие предметы без истории и воспоминаний, с ними связанных. Ставлю кружку рядом, открываю браузер, погружаясь в холодный синий свет. На некоторое время замираю, уставившись в экран и едва дыша. Что я здесь делаю? Я действительно собираюсь поехать туда? Мне кажется, что я слышу нечто похожее на шаги и оборачиваюсь, надеясь увидеть Антонио, но здесь никого нет. Я отклоняюсь, еще раз проверяя лестницу, но вижу только темноту, из которой пришла. Поворачиваюсь обратно к компьютеру и печатаю «*Эдинбург*» в поисковом окне, чтобы найти рейс, все еще не слишком уверенная, что достаточно проснулась для принятия такого решения. Я действительно собираюсь вернуться? Следующая опция. Туда-обратно или в одну сторону?

— Что ты делаешь? — спрашивает Антонио.

— Черт! — кричу я, практически вскочив с места. — Не подкрадывайся ко мне так! — Сердце стучит отбойным молотком в груди.

— Боже, Рини! — он отпрянул от неожиданности. — Вообще-то это ты кралась в темноте. Напугала меня.

Мишель Адамс

Он стоит в белых трусах, которые ему маловаты, и в качестве оружия держит в руке мою туфлю на небольшой шпильке. Голос у него насыщенный, как шоколад, и крепкий, как мой эспрессо.

— Так что ты здесь делаешь?

— Ищу кое-что в Интернете, — говорю я, все еще задыхаясь. Он двигается ближе, кладет туфлю на стол, я чувствую на его коже запах своих духов, когда он наклоняется ко мне. Антонио легонько касается моих плеч, и, когда я не отталкиваю его, растирает мою шею, после чего позволяет пальцам скользнуть по груди. Антонио никогда не переставал быть человеком с обостренным чувством осязания. Он всегда был очень тактильным. Даже когда сердится, хочет быть ближе ко мне.

— Просто расслабься, о'кей? Сделай глубокий вдох, — говорит он, массируя пальцами мою шею. Я вспоминаю, чем мы занимались всего час назад, и мечтаю, чтобы можно было вернуться в тот момент, такой же неловкий, как и сам секс после ссоры. Между нами все так непросто. Он продолжает разминать шею, наклоняясь, чтобы прочитать текст на экране. После этого останавливается, смотрит на меня в недоумении:

— Ты едешь куда-то?

Я вновь думаю о собранной им сумке, и о том, что могла бы задать тот же вопрос. Вместо этого делаю еще один глоток кофе, просто радуясь, что больше не одна, и отвечаю:

— Кассандра умерла.

У него уходит некоторое время на то, чтобы сообразить, кто это, он не привык слышать это имя.

— Когда? — спрашивает Антонио, как только пазз складывается. Он приседает на корточки, мой халат раскрывается, обнажая ноги и нижнюю часть шрама. Сильной рукой он растирает мое слабое левое бедро по всей

Моя сестра

длине вплоть до красной раны с уплотненной кожей, и продолжает анализировать выражение моего лица, чтобы понять, как я приняла эту новость. Я же пуста и неинформативна, как белый лист бумаги.

— Как? — спрашивает он, а я отодвигаюсь, его пальцы раздражают неровную кожу покрытой шрамами ноги.

Только сейчас я осознаю, что не спросила Элли, что произошло с матерью. Я не знаю, умерла она во сне или в ужасной автокатастрофе. В боли или в умиротворении. Я бы и рада сказать, что не спросила, потому что меня это не волнует, но сама-то я знаю, что это не так. Меня до сих пор это беспокоит, хотя я пыталась на протяжении двадцати девяти лет делать вид, что мне все равно.

— Я не знаю.

Антонио не настаивает, хотя знаю, он не очень понимает мою отрешенность. У него слишком много своих собственных представлений о семье. Там все начинается со свадьбы. Но он здесь, и простил меня за вчерашний скандал, который я устроила: началось с чего-то банального, вроде его безразличия к домашним делам, а закончилось моим нежеланием становиться матерью.

— Ты поедешь? — спрашивает.

Я пожимаю плечами. Столько причин, чтобы не ехать. Я еще могу вывернуться, сменить номер, переехать раньше, чем Элли удастся выяснить, где я живу. Притвориться, что ничего ей не должна. Но если поеду, то отец может рассказать мне правду. Как я могу упустить шанс выяснить, почему они отдали меня, а Элли оставили?

— Ну, думаю, нужно ехать. — Сказав так, он дотягивается до мышки и прокручивает доступные рейсы. Он выбирает рейс в 15:30 и водит курсором, привлекая мое внимание. — Вот этот, кажется, подойдет. Будешь там не позже сегодняшнего вечера.